

УДК 94(100)“1914/19” + 94(450) + 327(450)

В. И. Михайленко

«ПОБЕЖДЕННАЯ В ЛАГЕРЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ»: ИТАЛЬЯНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние Первой мировой войны на Италию и прежде всего на приход к власти Муссолини. Основное внимание уделяется формированию важнейших ориентиров внешнеполитической программы фашистского правительства Италии и их реализации в 1920-е гг. Освещается дискурс среди исследователей итальянского фашизма по проблеме отличия и преемственности традиционной дофашистской внешней политики Италии и муссолиниевской внешней политики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, Италия, Муссолини, внешняя политика, отличие, преемственность, дискурс.

Италия вступила в Первую мировую войну в 1915 г., сделав в последний момент правильный выбор в сторону Антанты, и тем самым по ее окончании обеспечила себе место в лагере победителей. Италия получила значительные территориальные приращения по Сен-Жерменскому договору 1919 г., выгодное для нее соглашение с Югославией в Рапалло в 1920 г., расширение колониальных владений в Африке. Однако Италия не добилась гегемонии в Адриатике и преобладания в Средиземноморье, потерпела военное поражение в Албании и дипломатическое в Юго-Восточной Европе в связи с созданием ориентированной на Францию Малой Антанты (политический блок в составе Чехословакии, Румынии и Югославии) [6]. Значительная часть итальянского общества и политических сил Италии, от либералов до фашистов, рассматривала итоги Парижских мирных соглашений как *vittoria mutilata* (урезанная победа) [4, 5].

Многие политические силы стремились использовать недовольство итогами версальского передела мира в своих интересах. Не последнее место среди них занимало фашистское движение.

Муссолини рано переметнулся на сторону тех, кто поддерживал вступление Италии в мировую войну, за что и был исключен из социалистической партии 24 ноября 1914 г. и соответственно снят с должности директора партийной газеты социалистов «*Avanti!*».

К моменту прихода фашистов к власти в 1922 г. были определены важнейшие ориентиры их внешнеполитической программы в отношении Парижских мирных соглашений 1919 г., сформулированы общие цели экспансионистской политики. Это неудивительно, поскольку устойчивые связи между Муссолини и новой влиятельной финансовой и промышленной группировкой, которая добилась вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, установились практически с момента его выхода из социалистической партии в 1914 г.

В общем хоре антигерманского интервенционизма звучал голос новой газеты Муссолини «*Il Popolo d'Italia*», финансирование которой осуществлялось группами *Edison*, *Ansaldo*, оружейными заводами *Parodi*, союзом сахарозаводчиков, крупнейшими банками *Banca italiana di sconto* и *Banca di Roma*.

В преддверии Парижской мирной конференции в 1919 г. фашистская «*Il Popolo d'Italia*» развернула яростную антиславянскую кампанию в связи с образованием государства южных славян. В этой связи звучали мотивы расового превосходства над славянами, претензии на полное господство в Адриатике и на территории соседних государств. В целом внешнеполитические устремления — итальянская экспансия в ее различных формах и создание империи — постоянно подогревались фашистской печатью. К примеру, на страницах «*Il Popolo d'Italia*» Муссолини утверждал 1 января 1919 г., что империализм является «вечным и неизменным законом жизни, он, в сущности, не что иное, как потребность и воля к экспансии, которую каждый индивидуум, каждый живущий народ содержит в себе». Фашисты провели ряд манифестаций в поддержку итальянских требований, выдвинутых на мирной конференции.

Для правящих политических и экономических элит путь империалистической экспансии являлся не единственным из рассматриваемых ими вариантов послевоенного развития Европы. В связи с этим обращает на себя внимание статья главы *FIAT* Дж. Аньелли «Европейская федерация или Лига наций?», опубликованная в преддверии Парижской мирной конференции. В ней отмечалось: «Если действительно существует намерение сделать невозможным возврат к войне, то остается открытым один путь: федерация европейских государств под руководством центральной власти, которая управляет ими и правительствами». И далее Дж. Аньелли заключал: «Европейская федерация сможет нам предоставить осуществление самого экономического разделения труда с устранением всех таможенных барьеров... И гигантская трансформация национального рынка в континентальный рынок откроет перед промышленниками такую емкость рынка, промышленность получит такой гигантский импульс, которые сопоставимы с горизонтами, открывшимися перед американской индустрией после войны за независимость» [14, 133].

В связи с визитом президента США В. Вильсона в Италию «*Il Popolo d'Italia*» писала в 1919 г., что основание Лиги наций должно предполагать в качестве определенного и предварительного условия «урегулирование национальных проблем», что подразумевало «ясные и законные права, которыми Италия не может жертвовать». 16 февраля 1919 г. Муссолини разъяснял, что члены Лиги наций должны находиться в положении «экономического и юридического равенства». Если останутся «буржуазные» и «пролетарские» нации, то никто не сможет гарантировать длительный мир между ними. Здесь необходимо заметить, что требование «равенства» между нациями не следует понимать буквально. Имелось в виду равенство только между нациями, достигшими самого высокого уровня цивилизации.

В другом случае Муссолини высказывался в пользу «союза между пятью господствующими в мире нациями», имея в виду США, Англию, Францию, Италию и Японию [19, 191].

Американский историк Дж. Миллер считает, что США отводили Италии важную, если не основную, роль в усилиях по созданию «стабильного» международного порядка. В период своей поездки в Италию Вильсон стремился убедить правительство данной страны принять американские условия «справедливого мира».

Поскольку Вильсону не удалось достичь этого, отмечает Миллер, он решился на конфронтацию с Италией на Парижской мирной конференции, не поддержав ее притязания в полном объеме [12, 751–752].

Для оказания нажима на Италию США использовали проблему военных долгов. К моменту перемирия военные долги Италии Соединенным Штатам составили 1 млрд 31 млн долл., Великобритании — 1 млрд 855 млн, Франции — 75 млн долл. [3, 5]. До мировой войны доля США в итальянском импорте равнялась 13–15 %, в 1916–1919 гг. она возросла примерно до 40 %. США превратились в основного поставщика оружия и зерновых в Италию [14, 246–247].

Вопрос об уплате Италией военных долгов правительство США поставило тотчас после прекращения военных действий. Уточнению могли подлежать лишь вопросы о сроках окончательного погашения долгов. На предоставляемые займы были установлены довольно высокие проценты, и условиями регламентировалось их погашение золотом, а не товарами [1, 31]. Отказ Великобритании в феврале 1919 г. и спустя пять месяцев США в предоставлении кредитов Италии усугубил ее тяжелое экономическое положение [10, 225–226].

Республиканская администрация У. Гардинга, пришедшая в США к власти в 1921 г., разделяла многие из целей Вильсона в отношении Европы, однако намеревалась достичь их иными средствами. Она отвергла Лигу наций в качестве инструмента международного порядка. Основная ставка, по мнению Дж. Миллера, была сделана на создание международного валютно-финансового сообщества под эгидой американских банков. Сущность политики стабилизации заключалась в предоставлении американских кредитов иностранным государствам на условиях выплаты ими военных долгов, приведения национальных валют к золотому стандарту, установления согласованных таможенных тарифов, благоприятствующих устойчивому международному торговому обмену [12, 752–753].

Дж. Мигоне приводит сведения о том, что в апреле 1922 г. посол США в Риме докладывал в госдепартамент о готовности деятелей либерально-демократического толка Ф. Нитти и Л. Стурцо взять власть в свои руки в Италии при условии финансовой помощи США. Итальянский историк пишет, что эта инициатива была оставлена без внимания. Американские банки предпочитали дожидаться стабилизации политической обстановки в Италии, чтобы не подвергать риску свои капиталовложения.

Когда выяснилось, что Италия не занимает в Версальской системе того места, на которое рассчитывала, фашисты не скрывали своего разочарования. «Я всегда верил в то, что Лига наций станет предприятием, в котором все будет общим: колонии, сырье, вооружение, деньги. Однако, вопреки ожиданиям, — отмечал Муссолини, — она предусматривает выгоду лишь немногим» [19, 20]. Фашистская печать провоцировала антиверсальские настроения, недоверие к международным институтам, обвиняла бывших союзников в «эгоизме», утверждала, что полагаться следует только на собственную силу и что именно фашизм ставит своей целью укрепление военного потенциала. «Корабль войны, — писала 26 июля 1919 г. *«Il Popolo d'Italia»*, — это лучший инструмент внешней политики...» В феврале 1920 г. *«Il Popolo d'Italia»* выдвинула требования пересмотра Версальской системы. «Слово “ликвидация” договоров нам не нравится, — писала газета, — мы

предпочитаем говорить о “ревизии” и добавляем, что двумя основными пунктами ревизии являются компенсации и колонии».

Фашистские экспансионистские планы были озвучены Муссолини в его речи 20 сентября 1920 г. в местечке Пола. В ней район Средиземного моря был назван центром итальянской экспансии. На Италию, по замыслу Муссолини, возлагалась роль связующего «моста между Западом и Востоком». Речь Муссолини была пронизана расистскими антиславянскими выпадами, в ней содержались угрозы в адрес Югославии и претензии на территорию Далмации. В заключение Муссолини призвал вооружаться [13, 197–202].

Приход фашистов к власти в октябре 1922 г. произошел прежде всего потому, что в политической ситуации паралича власти традиционных партий и угрозы прихода коммунистов к власти фашисты были наиболее подготовлены к отстаиванию интересов итальянского империализма на международной арене и широкого круга политических и экономических сил внутри страны. Идеология и политика фашистского режима были эклектичными. Единственное, о чем можно говорить уверенно, они всегда были антилиберальными и антимарксистскими [2, 8].

Оценивая внешнюю политику фашистского правительства в 1920-е гг., П. Тольятти обращал внимание на predeterminedность столкновения Италии с другими государствами на почве передела мира. Иного решения, кроме как попытаться разорвать сложившуюся систему международных отношений, у фашистской Италии не было. «Вот почему, — писал Тольятти, — в ее внешней политике не прослеживается единой линии, а она руководствуется директивами, изыскивающими самые разнообразные пути для использования противоречий и соперничества в капиталистической Европе, играет на тех или иных противоречиях, чтобы создать благоприятную обстановку для осуществления притязаний итальянского империализма» [20, 142–147]. Тольятти не исключал использование фашистским руководством иных, кроме военных, форм и методов достижения внешнеполитических целей.

Важное значение для понимания фашистской внешней политики имеет то обстоятельство, что период «освоения» фашистами управления внешней политикой занял достаточно продолжительное время. В связи с этим исследователь и карьерный дипломат Ф. Дж. Орсини ставит вопрос о том, какое определение было бы правильнее использовать — «фашистская дипломатия» или «итальянская дипломатия в эпоху фашизма»? По его мнению, ответы на эти вопросы не являются легкими и в любом случае их надо разводить во времени. Кроме того, он предлагает уточнить, о каких исполнителях может идти речь: о карьерных дипломатах, находившихся на дипломатической службе, или о лицах и структурах, которые участвовали в формировании внешней политики, но принадлежали, например, к иным государственным органам или к фашистской партии. Наряду с партийной дипломатией Муссолини поддерживал активные связи с европейскими лидерами посредством «тайной дипломатии» через доверенных лиц. С приходом фашистов к власти увеличилось количество акторов итальянской внешней политики [15].

Ф. Дж. Орсини выделяет несколько этапов фашизации итальянской дипломатии в 1922–1943 гг. Первый этап — с 1922 по 1929 г., когда происходила

«умеренная» фашизация МИДа Италии. Второй — с 1929 по 1936 г., когда должность министра иностранных дел занимал Д. Гранди, а затем пост был передан Муссолини. Третий — с июня 1936 по февраль 1943 г., когда должность занимал зять Муссолини граф Г. Чиано. Четвертый — от отставки Чиано в феврале до отставки Муссолини 25 июля 1943 г. [15].

Вплоть до 1926 г. важную роль в формировании и исполнении итальянской внешней политики играл генеральный секретарь МИДа Италии С. Контарини, который обеспечивал преемственность между дофашистской и новой фашистской дипломатией. С. Контарини и его ближайшие сподвижники в МИДе Италии опирались на поддержку итальянских националистов [16]. На наш взгляд, точку в дискуссии относительно взаимоотношений между «старой» и «новой» итальянской дипломатией и о персональной роли Контарини в переходный период поставил один из руководителей комиссии по публикации итальянских дипломатических документов Дж. Кароччи. Он пишет, что итальянские дипломатические документы не позволяют с точностью отнести все то, что было положительным во внешней политике, к заслугам Контарини, а все отрицательное «повесить» на Муссолини. На самом деле С. Контарини вел «свою» внешнюю политику в строгом согласии с Муссолини, который в этот период совмещал пост министра иностранных дел. Можно с уверенностью говорить о том, что по поручению Муссолини генеральный секретарь вплоть до 1925 г. был сконцентрирован на отношениях с Дунайской и Балканской Европой, Турцией и Советской Россией.

В первые месяцы 1924 г. Италия признала новый советский режим и заключила два соглашения с Югославией и Чехословакией. Как результат в политических кругах Италии стали поговаривать об оси Рим — Белград — Москва, пересекающейся с другой осью: Рим — Прага — Москва. Целью той политики являлось не только использование СССР в качестве противовеса Великобритании, но и усиление итальянских позиций в отношении Франции, инициировавшей Малую Антанту. С целью достижения своих ревизионистских целей Италия стремилась втянуть СССР в европейские дела [5, 10–11; 11, 19]. Отношение советского руководства к Версальским соглашениям в этот период было, как известно, отрицательным. С конца 1925 г. Муссолини отводил СССР важную роль в своей политике пересмотра Версальских договоров [17, 504].

Дж. Кароччи обращает внимание на колебания во внешней политике Италии. В частности, он объясняет высадку итальянских войск на Корфу в 1923 г. как результатами антигреческой враждебности, так и попытками принудить Югославию к соглашению с Италией. В январе 1924 г. был подписан Римский пакт между Италией и Югославией.

К 1925 г., считает Дж. Кароччи, происходит обострение разногласий между Муссолини и Контарини. Он не исключает, что последний, вопреки личным убеждениям, под угрозой отставки исполнял указания Муссолини по нагнетанию отношений с Турцией [11, 22–24]. В этот период внешняя политика Италии проводилась скорее по ситуации, что являлось результатом реализации продуманного стратегического плана. Полпред СССР в Италии К. К. Юренев в донесении в Народный комиссариат иностранных дел предупредил, что «политика Италии глубоко конъюнктурна» [5, 26].

Сегодня точка зрения авторитетного исследователя дипломатической школы М. Тоскано об «импровизационном» характере фашистской внешней политики, обусловленном непредсказуемой деятельностью только «одного человека», не находит в историографии большого числа поклонников [21, 8–9]. К примеру, авторитетный исследователь и известный дипломат С. Романо считает, что внешняя политика Муссолини отражала «национальные интересы», а не была обусловлена «достижением престижных целей» и не была подчинена внутренней политике, как ранее утверждали некоторые историки. Внешняя политика, продолжает Романо, была «одновременно националистической и воспитательной». Основной целью фашистской внутренней и внешней политики являлось воспитание «нового человека». «Динамизм и энергия во внешней политике должны были убедить итальянцев в том, что они являются реалистичным народом, свободным от каких-либо предрассудков, а если станет необходимо, то и способным использовать насилие в сорелевском значении этого слова» [18, XV].

Основное отличие традиционной дофашистской внешней политики от муссолиниевской Романо видит не в ее содержании, а в стиле. «Будучи националистической, она (традиционная. — В. М.) не преследовала воспитательных целей, не исходила из того, что внешняя политика должна способствовать воспитанию нового человека» [Там же]. Напротив, в дипломатической практике Муссолини общественное мнение использовалось для того, чтобы делать внешнюю политику, а внешняя политика — чтобы формировать общественное мнение. Муссолини не только стремился побеждать, для него главным было всегда выглядеть победителем.

К элементам преемственности во внешней политике Италии Романо относит ее подчинение более могущественному союзнику, что проявлялось на протяжении всей истории страны. «Неудобная» международная позиция «просителя» определила выбор дипломатической тактики фашистской Италии — тактики «песо детерминанте» (решающего веса) [Там же, XVIII].

Понятие «песо детерминанте» было введено в политический оборот фашистскими дипломатами Д. Гранди и Р. Гуарилья. В 1973 г. автор многотомного исследования итальянского фашизма Р. Де Феличе ввел его в научный оборот. Отправным пунктом оценки Де Феличе внешней политики фашистского режима является утверждение, что поскольку Муссолини не писал трудов, подобных гитлеровской «Майн кампф», то у дуче не было какой-либо внешнеполитической программы как к моменту прихода к власти, так и в дальнейшем. Исследователь выделяет два периода во внешней политике фашистской Италии. Первый — когда доминировали «национальные интересы», и второй период — когда возобладали идеологические интересы. Рубеж между ними он датирует концом 1920-х — началом 1930-х гг. В первый период, по мнению Де Феличе, изменения коснулись лишь «стиля» внешней политики. В дальнейшем во внешней политике фашизма проявлялись ревизионистские тенденции, однако Муссолини «всегда исключал возможность конфликта в Европе» [7, 63]. Он пишет о стремлении Муссолини сохранить связи с Версальской системой и придать Италии роль великой державы, ответственной и заинтересованной в поддержании порядка [8, 413–414].

Италия, по его мнению, не являясь великой державой, для достижения подлинного успеха во внешней политике должна была либо опираться на помощь подлинно великой державы либо использовать противоречия между великими державами. Первый вариант Муссолини не мог принять в силу «престижных соображений», а второй он реализовал в рамках политики «песо детерминанте». С точки зрения Де Феличе, внешняя политика Италии основывалась на поддержании европейского равновесия, на равноудаленности Рима от Лондона и Берлина, на равной заинтересованности Италии в укреплении отношений с Англией, Францией и Германией. Под этим углом он рассматривает становление итало-германского сотрудничества после прихода нацистов к власти, которым отводится важное место в обеспечении «восстановления» за Германией роли второго полюса, без которого Италия не смогла бы выполнить свою роль в политике «песо детерминанте» [7, 65].

Освещению колониальной политики фашизма Р. Де Феличе отводит важное место в своих работах. В книге, написанной совместно с Л. Голиа, он утверждает, что «фашистский колониальный империализм является не второстепенной стороной общего развития фашизма и его истории, не просто приложением к внешней, военной или экономической политике, но определяющим элементом империалистической политики и силы фашистского государства в его автономной форме, которая находилась в соответствии с эволюцией самой колониальной реальности» [9, XXVII].

Де Феличе выделяет четыре периода колониальной политики фашистской Италии. В первый, «переходный» (1922–1926) период фашисты не имели определенной программы в этой области, колониальной политикой занимались националисты. В этом он видит причину преемственности между «традиционным и фашистским империализмом». Отличие подхода либералов к колониальной политике от подхода фашистов, по мнению Р. Де Феличе, состоит в том, что первые делали ставку на силу, а вторые стремились «только к восстановлению власти метрополии над коренным населением колонии» [8, XIV]. Второй период (1927–1936) он определяет как время становления фашистской колониальной политики. Основным средством достижения колониальных целей на этом этапе являлся «мирный ревизионизм». Третий период, по его мнению, время «апогея и вызревания» колониальной политики (1936–1940), характеризуется ее окончательным оформлением и началом реализации. Наконец, четвертый период — «войны и поражения в Африке» (1940–1943) — Де Феличе рассматривает под углом изучения организации колониального мира по фашистской схеме или утверждения «нового колониального порядка» [Там же, XV, XX–XXV].

В мае 1925 г. заместителем Муссолини в МИДе Италии был назначен соратник Муссолини по фашистской партии Д. Гранди. По мнению Дж. Кароччи, назначение Д. Гранди способствовало дальнейшей фашизации МИДа Италии, выдавливанию из него дипломатов старой школы. Одной из первых жертв изменения кадровой политики стал сам С. Контарини, которого не спасла поддержка Д. Гранди. 21 апреля 1926 г. он был отправлен в отставку. Де Феличе не без оснований отмечает, что «как во времена Контарини, так и, в еще более акцентированной форме, в последующем в Палаццо Киджи господствовала единственная воля — это воля самого Муссолини» [11, 23].

Спустя два года после начала деятельности в МИДе Италии Д. Гранди докладывал Муссолини, что внешнеполитическое ведомство стало одним из наиболее фашизированных государственных институтов. Это касалось не только рекрутирования членов фашистской партии в МИД, но и придания этому государственному органу новой роли во внутренней и внешней политике фашистской Италии. Как любил подчеркивать Д. Гранди, МИД учитывал «смысл современного мира». Исходя из этого подхода, перед МИДом ставилась задача активного вовлечения Италии в главные мировые проблемы [11, 25].

Под новые задачи изменялась структура МИДа, появились новые структуры, и среди них Генеральная дирекция Восточной Европы и Африки, которую возглавил Р. Гуарилья. В сферу ее интересов вошла вся зона Средиземноморья вплоть до Красного моря и Эфиопии. Одновременно осуществлялись попытки поглощения Министерством иностранных дел другого государственного института — Министерства колоний, а итальянские дипломатические представительства за рубежом получили задание активизировать профашистскую деятельность местных итальянских землячеств. Колониальная политика фашистской Италии рассматривалась как составная часть ее общей международной и, в частности, средиземноморской политики. Проблема национальной безопасности рассматривалась в контексте с итальянской экспансией в Восточном Средиземноморье. С точки зрения преемственности эта политика являлась продолжением традиций внешнеполитического курса А. Сан Джулиано (занимал пост министра иностранных дел в 1905–1906 и 1910–1914 гг.), предусматривавшего итальянскую экспансию в направлении Африки, в Средиземноморье, Адриатике и на Балканах.

Дж. Кароччи отмечает различие между традиционной экспансионистской политикой Италии и фашистской экспансией. Первая вписывалась в схемы традиционной колониальной политики, которая опиралась на относительную европейскую солидарность и многостороннюю ориентацию итальянской внешней политики. Вторая была направлена на разрыв европейской солидарности с целью достижения территориальных притязаний [8, 26]. Хронологическая граница между ними, на наш взгляд, проходила примерно в 1933 г. Предложение Муссолини о заключении «пакта четырех» стало переходной формой к новой внешнеполитической стратегии, которую можно определить как «параллельная стратегия». До вступления в войну в июне 1940 г. Муссолини стремился использовать динамичный баланс сил, который поддерживался сотрудничеством/соперничеством Великобритании, Франции и США. С 1933 г. важное место в «параллельной стратегии», осуществляемой Муссолини, начинает занимать нацистская Германия.

1. Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982.

2. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2013. № 1.

3. Репарационный вопрос и военные долги. М., 1933.

4. Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922–1935 гг. М., 1979.

5. Хормач И. А. СССР — Италия, 1924–1939 гг.: (Дипломатические и экономические отношения). М., 1995.

6. *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике, 1918–1925 гг. М., 1974.
7. *De Felice R.* Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana // *L'Italia fra tedeschi e alleati. La politica estera fascista e la seconda guerra mondiale.* Bologna, 1973.
8. *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1974. Vol. 1.
9. *De Felice R., Golia L.* Storia fotografica del fascismo. Roma, 1981.
10. *Candeloro G.* Storia dell'Italia contemporanea. Milano, 1978. Vol. 8; 1981. Vol. 9.
11. *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista (1925–1928). Bari, 1969.
12. *Miller J. E.* Strategia della stabilizzazione: Gli Stati Uniti e l'Italia. 1917–1950 // *Storia contemporanea.* 1984. № 4.
13. *Mola A.* L'imperialismo italiano. Roma, 1980.
14. *Mori G.* Il capitalismo industriale in Italia. Roma, 1977.
15. *Orsini F. G.* La diplomazia fascista [Electronic resource]. URL: <http://www.dispi.unisi.it/sites/sito06/files/allegatiparagrafo/22-05-2013/wp19.pdf> (дата обращения: 31.07.2013).
16. *Orsini F. G.* La diplomazia italiana dagli «anni del consenso» al crollo del regime [Electronic resource]. URL: <http://www.assdiplar.it/documentprogr/diplomaziafascista.pdf> (дата обращения: 18.08.2011).
17. *Pizzigallo M.* Mussolini e il riconoscimento de jure dei U.R.S.S. // *Storia e politica.* 1977. № 3.
18. *Romano S.* [Prefazione] // *Pizzigallo M.* Mediterraneo e Russia nella Politica italiana, 1922–1924. Milano, 1983.
19. *Rumi G.* Alle origini della politica estera fascista: 1918–1923. Bari, 1968.
20. *Togliatti P.* Opere. Roma, 1979. Vol. 2.
21. *Toscano M.* Problemi particolari della storia della seconda guerra mondiale // *Rivista di studi politici internazionali.* Firenze. 1950. № 3.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.